

АМНЕЗИЯ

16+

ДЕНИС САРКИСЬЯНЦ

Денис Владимирович Саркисянц

Амнезия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44869269

SelfPub; 2019

Аннотация

Уже третьи сутки странный человек в пальто бродит по парку в поисках ответов. Он не помнит события, которые происходили с ним на протяжении месяца, и особенно тот роковой день, который напрочь сломал его жизнь. Амнезия – такова констатация диагноза врачей. Но кто бы после этого сдался, так и не попытавшись вернуть себе память? Читателю придётся вместе с этим человеком нырнуть в бездну забвения и хронологически восстановить события того самого злополучного дня.

Это был холодный, пасмурный вечер. Шёл второй месяц осени и Генри, уже третьи сутки вечером, задумчиво гулял по родному парку. С этим парком у него связано много воспоминаний. Ещё в детстве, когда он жил с родителями в одной из квартир многоэтажек, которые находятся рядом с парком, он часто ходил сюда. Последний раз он был тут около пяти лет назад. После окончания колледжа, он вскоре переехал уже с будущей женой в район с частными домами, который находился севернее района с многоэтажками.

Ветер покачивал кроны деревьев с листьями, которые уже утратили зелёный цвет. Парк, в это время года и при такой погоде, был по-особому красив. Фонари тускло освещали усталый тротуар, а скамейки, которые днём заняты людьми, теперь стояли пусты. Пасмурная погода же придавала парку более серьёзный вид и тем самым, невольно, заставляла уходить в мысли о чём-то своём – насущном. Днём в парк приходит большое количество людей с разными увлечениями. Кто-то приходит выгуливать собак, кто-то садится на скамейку, рисуя пейзажи парка и возвышающиеся вдалеке дома, пытаясь этим подчеркнуть сочетание природы и города, а кто-то просто гуляет, находя каждый для себя то самое чувство прекрасного. Но вечером тут практически нет людей, а в пасмурную погоду люди и подавно желают оставаться в уютных квартирах. Генри мимолётно вспомнил, как он давно так же гулял по этим родным местам, и ему казалось, что парку как нельзя лучше подходит эта самая пустота, он

считал, что она убирает всю суету людей и подчёркивает всю красоту и умиротворение парка. Подумать только, раньше он действительно мог любоваться всем этим, мыслить об этом и наслаждаться каждой минутой своей жизни.

Если бы кто-нибудь, когда-то, захотел охарактеризовать Генри, то это описание выглядело примерно бы так: Генри импозантный молодой человек в возрасте двадцати шести лет. Лицо имеет округлые черты, нос вытянутый и слегка с горбинкой, цвет глаз – карие, короткостриженные волосы. Телосложение спортивное, так как он достаточно времени уделяет физическим нагрузкам. Его интересы далеко не соответствуют времени, в котором он живёт. Порой он мечтает попасть во времена тридцатых годов, когда осенью и зимой было модно носить длинное пальто, на головах людей виднелись котелки и шляпы. Примерно с тех времен мужчина без шляпы, вышедший на улицу, выглядел странно и нелепо. Особенно в ходу были ольстеры – двубортные пальто, длинные, объемные, выполненные из грубой ткани. Летом же ходили в рубашках. Набирали популярность рубашки – поло, со стояче-отложным воротничком, коротким рукавом и недлинной застежкой. Всё это у Генри вызывало благоговение к моде того времени. Но теперь, всё это, стало давно не модным и молодой человек в шляпе, у большинства людей, может вызывать недоумение и реже всего почтение. Но Генри было всё равно и большинство вещей в его гарде-

робе напоминали отголоски того времени, таким образом, он хотел хотя бы на миг прикоснуться к тому времени, когда так одевались все, когда так было модно одеваться. И у него временами получалось, когда он шёл один, но всё мигом рушилось, как только он видел человека, одетого по современному писку моды.

Однако сейчас, идя по слабо освещённому, но красивому парку, он думал совершенно о другом. Мало что осталось от того импозантного Генри, который следил за своей чистоплотностью, следил за тем, в чём он ходит да и вообще его мысли уже не были такими свободными, как раньше. Теперь он напоминал пьяницу, который скитается по городу, чтоб выпросить у людей нужную сумму денег и напиться до беспомытства. Но, однако, он вовсе не был таковым. Он всегда предпочитал трезвость ума и таков остался по сей день. А изменился он из-за одного странного происшествия, впрочем «изменился» – это мягко сказано. Это происшествие разом сломало его жизнь. Всё, чего он хотел добиться, всё, к чему он стремился – обратилось в ничто, для него всё потеряло смысл. Всё что он помнил – было вершиной айсберга, остальное – его оставшаяся большая часть, скрытая под водой и уходящая далеко вглубь. Генри предстояло нырнуть в эту пучину и хронологически вспомнить каждую деталь этого злополучного события, чтобы все пазлы обрели своё место в этой мозаике, и это ужасное происшествие предстало

перед ним в своём полноценном виде. И теперь, идя по аллее с красиво высаженными в ряд деревьями, Генри вновь прокручивал случившееся с ним происшествие с самого начала. Это произошло неделю назад...

Генри проснулся обычным осенним утром, впрочем, это было бы ничем не примечательное утро, если бы Генри не очнулся около дома соседа Смита на его заднем дворе. Разбудил его автоматический полив газона. Выглядел Генри очень помято, да и чувствовал он себя так же. Его пальто уже намокло, и было слегка в грязи. Посмотрев на руки, он увидел, что засохшая грязь была на руках, и даже под ногтями. Он никак не мог вспомнить детали вчерашнего дня, да и что там детали! Он как будто заново родился, только на газоне у своего соседа.

Смит был очень добродушным человеком тридцати лет. Он не был женат. Работал он на дому, принимая заказы людей, он создавал веб-сайты. Генри его плохо знал, они редко виделись и мало общались, однако и этих знаний хватало, чтоб описать соседа как: добродушного, отзывчивого и щедрого человека. По утрам Генри видел как Смит, выходя на пробежку, всегда выносил бездомным животным еды, а по выходным он безвозмездно учил соседских детей игре на фортепиано. А теперь, на заднем дворе Смита, лежал потерявший память Генри.

Встав и попытавшись оттереть одежду от грязи, но тем са-

мым лишь размазав её, он посмотрел в сторону своего дома. Дом по-прежнему стоял в целости и сохранности, но что-то в ту минуту показалось Генри до боли неправильным. И тут, внезапно он осознал неправильность картины. Каждое утро, раскрывая шторы, его жена пускала первые лучи солнца в комнату. Сейчас же окно в их комнату было зашторено. Конечно, он тогда предположил, что возможно она не спала всю ночь, переживая и думая «Где же, чёрт подери, тебя носит?», а под утро, сильно устав, могла лечь спать. Иронично было то, что Генри и сам не ведал, где его носило всю ночь.

Он пошёл по направлению к своему дому, и с приближением ему становилось как-то не по себе. Пока он шёл, он почувствовал, как всё его тело горит огнём. Он поднёс руку ко лбу, затем к щекам.

– «Да у меня же жар...» – подумал он про себя. Вдобавок ко всему этому его жутко знобило. Он пытался вспомнить хоть что-то из вчерашнего дня, из того, что было неделю назад, да и вообще за весь этот месяц. Воспоминания были очень расплывчаты и туманны, вроде бы он работал над чем-то важным в последние месяцы, но никак не мог припомнить над чем. Мутно он видел, как взял отпуск. У него не было желания уделять время работе, и самыми уж яркими воспоминаниями, из всех этих мутных, были о том, как сильно за него переживала жена. Причины для переживания конечно были. Он мало ел, поздно ложился, и причиной тому была работа над чем-то.../ важным, наверное. Как бы он ни ста-

рался, а так и не смог вспомнить конкретных деталей своей жизни за этот месяц и при попытке всё же вспомнить хотя бы немного подробные детали, его тут же бросало в большой жар, а голова сильнее пульсировала болью.

И вот, выйдя сначала на главную дорогу, откуда можно было лицезреть фасад домов, он дошёл до своего. Поднявшись по ступенькам на террасу, Генри подошёл к двери и начал шерстить по карманам в поисках ключей. Ключей у него не оказалось.

– «Неужели потерял...» – подумал он, и хотел было уже позвонить в дверной звонок, но решил попробовать открыть дверь. Дверь была не заперта.

– «Она всегда перед сном закрывала входную дверь на замок» – пронеслось в голове Генри – «И даже когда я говорил, что я запер дверь, она всё равно ходила к ней и проверяла, действительно ли дверь была заперта. Уж очень она хотела быть уверена в нашей безопасности, а сейчас... сейчас дверь была не заперта... что же это?...». Осознав это, волнение окутало его.

– «Ладно, ладно, надо взять себя в руки, я переживаю по пустякам...» – продолжил в мыслях Генри – «Скорее всего ей было просто не до этой двери, я... я взбаламутил ей нервы своим отсутствием, возможно она переживала больше за меня, чем за собственную безопасность... Я не хотел... А вдруг хотел? Что, если мы сильно поссорились и я ушёл, оставил её наедине и ушёл...!». Пока Генри безуспешно пытался вспом-

нить хронологию событий последнего месяца и особенно хотя бы вчерашнего дня, он на автомате зашёл внутрь. Пройдя чуть вперёд, он увидел на полу семейную фотографию в рамочке. Стекло в рамочке было разбито, а на снимке был запечатлён момент, где он с женой в обнимку стоял на холме, а позади них виднелись горы Сьерра-Невада. Он тут же вспомнил, как они решили провести там медовый месяц, вспомнил, как был свеж там воздух и как счастливы они были. Положив фотографию на тумбочку в коридоре, где собственно она всегда и стояла, напоминая им о том счастливом моменте в их жизни, он медленно стал идти дальше. В доме было довольно темно, хотя солнце уже давно добродушно дарило городу свет. Темно было в доме из-за того, что все окна были зашторены и лишь через окошко над дверью пробивался небольшой луч света, освещая коридор, словно прокладывая Генри дорогу. Он продолжил свой путь по коридору и свернул направо, где находилась их спальня. Вместе с этим, он чувствовал, как волнение нарастает с большей силой. Он думал о том, какой именно выйдет с ней диалог, удастся ли избежать недопонимания? Быть может, она ему всё расскажет, объяснит, что с ним творилось последний месяц, по крайней мере, он на это надеялся. Но хоть Генри и жаждал получить спокойного диалога, в котором чудом всё его беспамятство замениться на прозрение, он боялся, что именно будет скрываться за пеленой забвения.

– «Все мои пробелы в памяти» – вновь пытался осмыс-

лить это всё Генри – « Быть может, были вызваны состоянием аффекта, но не могло же это состояние возникнуть из ничего? Возможно, случилось что-то ужасное... но неужели на протяжении всего месяца?! Бред какой-то! ». Пока подобные мысли посещали Генри, он всё стоял у двери, в нерешительности войти внутрь.

– «А вдруг... а что, если её там нет? Что, если с ней что-то произошло? А что, если она и вовсе не могла уснуть и ушла в поисках меня глубокой ночью?!» – это были последние мысли Генри перед тем, как его нерешительность тут же сменилась страхом за свою жену. Не медля уже и секунды, он открыл дверь и вошёл внутрь.

В комнате было так же темно, как и во всём доме. Окно было по-прежнему зашторено (то самое зашторенное окно, которое Генри ещё заметил со двора Смита), а на кровати спала его жена. – О слава богам!... – прошептал Генри и тихо подошёл к окну. Переняв традицию жены, резким движением он раздвинул шторы и пустил свет в комнату. Солнечный свет тут же проник в окно, тем самым осветив всё вокруг.

Темнота... сколько важных деталей сокрыты от нас, когда вокруг очень мало света... Многие говорят, что зрение может обмануть человека, но на самом деле глаза лишь служат для получения информации, а уже мозг, обрабатывая эту самую полученную информацию, делает выводы. И когда света вокруг слишком мало, чтоб увидеть все пазлы, из которых можно собрать мозаику в общую картину, мозг сам до-

думывает некоторые пазлы и это порой может сыграть злую шутку. Когда Генри вошёл внутрь, он был несказанно рад видеть жену, которая спала крепким сном. Все плохие мысли о том, что с его женой могло что-то случиться, тут же покинули его, массивная и тяжелая гора упала с плеч, и он почувствовал облегчение. Однако минуту назад в комнате было слишком темно, чтобы Генри заметил на одеяле большое багровое пятно. Теперь же свет, вошедший через окно, будто сделал ему одолжение и показал всю полноту картины. Генри, увидев это, с ужасом подбежал к кровати и отдёрнул одеяло. Теперь на теле его жены были видны многочисленные удары ножом, а сам нож лежал рядом с ней на кровати. В эту минуту у него по всему телу прошла дрожь, будто сам Зевс ударил его молнией. Ноги подкосило и Генри пал на колени перед спящей вечным сном женой. В таком положении он просидел час, а может два или три... в общем потеряв счёт времени, Генри сидел и смотрел на неё. Слёзы текли по его лицу, а мысли никак не могли собраться в кучу. Наконец он встал и на дрожащих ногах подошёл к телефону. Из последних сил он вызвал полицию и скорую помощь. Это всё, что было в его силах сделать, после он упал в обморок.

На весь ритуальный процесс похорон ушло три дня и, несмотря на подавленное и весьма плачевное состояние Генри, он присутствовал на всех стадиях этого процесса. Было возбужденно уголовное дело по факту убийства его жены. Генри дал все показания, которые помнил, о том, как он

оказался на газоне соседа Смита, как обнаружил, что входная дверь была не заперта и прочие, даже самые мельчайшие детали. Поиск улик ни к чему не привёл, и всё это выстраивалось в весьма странную картину. Отпечатки пальцев на орудии убийства не были обнаружены, дверной замок и окна были целы, а по показаниям Генри, входная дверь была обнаружена им не запертой. Основное подозрение легло на самого Генри. У следователей была версия, что он намеренно лжёт, играет роль скорбящего мужа, когда на самом деле именно он и убил жену, а все не состыковки в деле склоняют на провалы в собственной памяти. Но медицинское заключение показало, что у Генри действительно амнезия, скорее всего вызванная психологическими травмами, так как на нём не обнаружили телесных повреждений. Вдобавок ко всему этому, не удалось найти даже малейшего мотива для убийства своей жены Генри. Подозрение Генри в убийстве собственной жены сошли на нет из-за отсутствия весомых доказательств и дело зашло в тупик. Несмотря на своё болезненное состояние, Генри не хотел покоя. После зашедшего в тупик судопроизводства, он покинул район с частными домами, возвратившись обратно в район с многоэтажками. Дойдя до дома, где проживают его родители, он остановился.

– «Не сейчас...» – Подумал Генри – « Не стоит сейчас их печалить *этим* известием, особенно, когда дело зашло в тупик и убийца до сих пор на свободе».

С этими мыслями Генри повернул в сторону родного пар-

ка, который он сильно любил. По этому парку он бродил с вечера и до глубокой ночи в раздумьях, как раз, когда людей практически тут нет. Но глубокой ночью мысли его были уж совсем бессвязные, и бродил он по парку уже не для раздумий, а механически, до полного утомления. Когда силы его были на исходе, он заходил в беседку у пруда, которая находится в левой части парка и там он обычно отсыпался весь день, а вечером вновь выходил скитаться по парку.

И вот, уже третьи сутки вечером, Генри скитался по родному парку, но всё было зря. Даже ночью в этом столь уединённом месте, он никак не мог вспомнить хронологию прошедшего месяца.

—

Дойдя до развилки, Генри свернул налево и, пройдя немного вперёд, справа от тротуара увидел старую детскую площадку. Но от того, что он на ней увидел, его бросило в озноб. На этой площадке он увидел себя же около качелей, только ещё в юном возрасте.

Юный Генри сидел, медленно покачиваясь на качелях и о чём-то думал. Недалеко от качелей в песочнице игрались дети, а рядом с площадкой стояли скамейки, на которых сидели их родители. Изредка поглядывая каждый за своим ребёнком, они занимались своими делами. Одна женщина вышивала что-то, это что-то было похоже на шарфик. Другие две молодые женщины что-то бурно обсуждали. Сидели на этих скамейках и отцы детей, они, также поглядывая за

детьми, читали газеты и над всем этим царил день.

– «Я помню это» – промелькнуло в голове Генри – «Это воспоминание из моей жизни...». Проекция воспоминаний как-то перенеслась на площадку, и было окутано лёгкой дымкой. Генри смотрел на себя молодого со стороны словно замороженный, он не помнил, о чём в этот момент жизни думал сидя на качелях и почему именно эти воспоминания спроецировались и стали такими... реальными...

Тем временем Юный Генри всё сидел и о чём-то думал, не обращая ни малейшего внимания на детей. Ему только исполнилось восемнадцать лет, но голова уже была полна трезвых и решительных идей. В эти периоды жизни почти каждый подросток порой задумывается о том, кем он хочет стать и каких целей хочет постичь. Но Юный Генри думал об этом практически каждый день, и делать он это любил в парке сидя на качелях и наблюдая со стороны за проходящими по усталому тротуару людьми. Порой, даже невольно, его мысли плавно переходили с осмысления своего будущего, на осмысление человеческой жизни в целом. Постоянно куда-то идущие люди ему виделись уже как обычным материалом, пешками в руках более властных людей, а более властные люди были пешками ещё более уполномоченных и т.д. Он как наблюдатель смотрел за этой системой и искренне не то, что даже не хотел в неё попасть, а наоборот, хотел миновать её всеми силами и постараться не стать частью этой системы в будущем. Но вот каким путём ему этого добиться,

он не знал и познать не мог, и от отчаяния думал, что ему всё же не удастся её миновать. Но дальше он продолжал развивать свои мысли так:

– «Если уж не удастся миновать этой системы, то нужно занять наиболее высшее звено этой цепи, ибо так уж сложилось, что чем больше ты имеешь власти в этой системе, тем жить тебе будет проще...». Внезапно его размышление прервал звук, как если бы кто-то, оступившись, упал на тротуар. Так оно и было. Тротуар в парке давно нуждался в ремонте, он был усеян выбоинами и ямками, от чего путь по нему был порой затруднителен. И вот, идя на высоких каблучках девушка, попав каблучком в одну из этих ямок, не удержалась и упала на тротуар, при этом листы с какими-то отчётами, которые она несла в руках, разлетелись во все стороны. Юный Генри оторопел, но среагировал довольно быстро. Встав с качелей, он подбежал к девушке и со словами – Вы не ушиблись? – Помог ей встать.

– Всё хорошо, я в порядке – Сказала незнакомка и улыбнулась.

Юный Генри смотрел ей в глаза и не мог налюбоваться, он никогда не видел таких красивых глаз и столь красивые черты лица...

– А вы... – Начала было девушка, но Генри и тут решил быстро среагировать

– А я Генри – представился он ей

– Очень приятно, Генри, но я хотела сказать, что вы стоите

на моих листах...

Генри посмотрел под ноги и действительно, весь тротуар был усеян её листьями. Лицо Генри от неловкости ситуации покраснело, он, запинаясь, извинился и решил помочь собрать её листы. Генри заметил, что это были вовсе не отчёты, как он подумал прежде, а реферат на тему фотосинтеза растений, скорее всего у неё просто не было возможности скрепить эти листы воедино. От такой картины девушка засмеялась, и начала вместе с Генри собирать свой реферат. После того, как весь реферат был собран, девушка с ослепительной улыбкой поблагодарила Генри за помощь. Генри неловко улыбнувшись в ответ, прокручивая в голове неловкость этого знакомства уже собирался уходить... Как вдруг девушка решила продолжить знакомство.

– А меня зовут Эвелина – представилась девушка и вновь мило улыбнулась.

После этого, дымка медленно рассеялась, и вместе с ней ушло и наваждение. Стоящий неподалёку и наблюдавший за своим прошлым Генри вновь увидел опустелую и увядшую со временем площадку.

– «Что же это...» – промелькнуло в голове Генри – «Что за наваждение? Что за иллюзии?! Я болен... я просто болен...».

Прогремел гром, ударила молния и Генри, почувствовал, как холодные капли коснулись его рук. Начался дождь. Генри не обратил на него особого внимания, он и не стал пря-

таться от дождя, а продолжил своё скитание по парку. Проходя вдоль ограждения, которое служило лишь с целью показать границы парка, Генри краем глаза увидел, как на пустынной улице за границей парка, так же, как и Генри, не обращая внимания на дождь, спокойно продолжил свою прогулку человек. Эта картина заставила заострить внимание Генри на этом человеке и тем самым посеяла зерно для размышлений. Хотя сейчас только вечер вот-вот близился к концу, Генри мыслями уже начал представлять себе грядущую ночь...

«Ночь – это поистине загадочное время суток. Большинство боятся её за то, что она может прятать под пеленой тьмы. В этой пелене сложнее заметить скрывающегося вора, который только и ждёт того момента, когда ваша бдительность уснёт и он сможет застать вас врасплох. Тьма и убийцу делает скрытным, благодаря чему намеченная им жертва теряет ночью практически все шансы на спасение. Многие даже говорят, что ночь будто и создана для «тёмных» дел. Важно то, что опасным это время суток и сделали сами люди, но не все, а лишь те, кто познал выгоду её тьмы. Но всякий охотник может стать добычей, и всякий убийца может стать жертвой, и разве виновата ночь в том, что она стала просто удобной для таких деяний? Ночь ни за тех, ни за других, она просто не терпит слабых. Помимо той угрозы, что скрывает ночь, она поистине прекрасна и помимо тех людей, что корыстно используют её тьму, есть те, кто познал её с дру-

гой стороны. Это те люди, которых можно назвать избранными, те, что осознавая ту опасность, что может их поджидать с каждой прогулкой в ночи, они всё равно идут на риск за погоней чувства прекрасного. Этих людей ночь будто манит сама, окутывает пеленой умиротворения, от чего стены уютных домов для них становятся тесны и они уходят в ночь...».

Через полчаса уже можно будет наблюдать заход солнца. Генри очень любил закат, всегда в нём видел что-то большее, чем просто окончание дня и даже до сих пор помнил отрывок из книги одного философа, под названием «Каков исход?» – «...И придёт закат однажды, да не просто закат, а как исход, исход всего и вся, живого и мёртвого. Да мгновение сие каждый по-своему воспримет, для кого миг этот означать расплату за грехи будет, Богов снисхождение на страдание человеческое, а иной люд не уверует в вознесение чрез страдание, воспримет это по-научному, как забвенье всего живого и не более. Да после «заката» уже не будет «рассвета», не воскреснет всё из пепла словно феникс, а предастся во мрак вечный, да бытие небытием сменится...». После прочтения этого отрывка, Генри порой видел в заходящем солнце что-то похожее на ядерный гриб «...иной люд не уверует..., ... по-научному воспримет...», взрыв такой мощи, способный стереть всё с лица земли... Размышляя над этим, Генри действительно поражался тому, что если воспринять фразу «Закат – как исход» метафорично, и представить себе «Ядерный взрыв – как исход», то люди разделятся как минимум на два

фронта, а то и больше. У всех будет малая доля времени, что бы осознать, что это. Каждый воспримет это в меру своей образованности и точки зрения своего взгляда на реалии мира. Грубо говоря, какой-то человек и вовсе может посчитать, что это великое Божество снизошло на землю. В это мгновение промелькнёт множество версий, догадок и гипотез, но истина будет одна – «...Бытие небытием сменится...». Как же чертовски красив закат...

Но сейчас шёл дождь и вместо ясного неба, всё было затянуто тёмными тучами, и Генри даже не надеялся насладиться последними уходящими лучами солнца за горизонт.

Постепенно дорога вновь привела его вглубь парка. Проходя мимо пруда, его внимание приковала золотистого цвета табличка с заголовком «Достопримечательность парка». Это был огромный дуб, который был ограждён лишь цепью, что в принципе не составляло труда зайти за неё и приблизиться к нему. «Этот дуб» – сообщает текст на табличке – «был торжественно посажен в день основания парка». Рядом с текстом была прикреплена чёрно-белая фотография, на которой был запечатлён давно ушедший на пенсию губернатор, торжественно перерезающий красную ленточку, натянутую перед дубом, а внизу под снимком стояла дата – «04.17.1968»* (* В Соединённых Штатах Америки традиционно сначала пишется месяц, потом число, а затем год.). Весь этот текст, выгравированный на табличке, и снимок были закрыты защитным стеклом.

Генри помнил этот дуб ещё с самого детства, когда гулял по этим местам с мамой. Особенно помнит свою первую встречу с этим парком и дубом.

Каждая малейшая деталь заостряла его внимание на себе. Он не мог надолго остановить взгляд на определённом объекте, всё время переводя взгляд с пруда, на в ряд посаженные деревья, а с деревьев на ровно отстриженный и темно-зелёный газон и т.д. Он дивился каждому объекту и старался за эту прогулку насладиться всем, чтоб ни одна малейшая деталь не оказалась упущена. Его любопытство было таким, словно в этот парк он больше никогда не сможет попасть вновь. И вот, проходя с мамой мимо пруда, всё его внимание приковалось к дубу. Быть может, если бы не всё та же с золотистым цветом табличка и цепное ограждение, маленький Генри не придавал бы особого значения этому дереву, удосужив его тем же беглым вниманием, что и все остальные объекты. Однако из-за наличия ограждений и наблюдений за тем, как многие люди останавливаются рядом с дубом, уделяя ему особое внимание, Генри посчитал, что это дерево необычное.

– «Но чем же этот дуб так необычен?» – спросил себя маленький Генри. Его детское воображение сразу стало рисовать живущих в дубе маленьких человечков, которые днём прячутся от людей, а ночью выходят из дуба через потайные двери и разгуливают по парку. Начал представлять, что в этом дубе храниться всё их золото в виде дублонов, а золото

они выходят добывать ночью, превращая потом его в дублоны с изображением своего вождя. Историю, что он воображал, чем-то напомнила ему сказки об лепреконах. Если человеку посчастливится найти одного из таких лепреконов, то тот в свою очередь обязуется дать им горшочек золота.

– «Тогда человечков в дубе я назову...» – продолжал фантазировать Генри – «назову... Дубдублами» – после придуманного маленьким человечкам имени, маленький Генри тихо рассмеялся. Когда он посмотрел на всех этих людей у дуба и на ограду из цепи, он подумал – «А что, если люди всё же однажды засекали одного из Дубдублов, и огородили дуб цепью, а цепь скорее всего необычная, такая, за которую бояться перешагнуть Дубдублы» – с минуту подумав, маленький Генри продолжил фантазировать дальше – «А эта табличка из золота...» – маленький Генри считал, что табличка отлита полностью из чистого золота, которое, скорее всего, люди получили от пойманного дубдубла – «... передаёт людям легенду об этом дубе и живущих в нём Дубдублах...». Когда маленький Генри вместе с мамой уже удалялся от этого дуба, он сначала задумался, а потом шёпотом произнёс:

– Обещаю, я поймаю одного из этих Дубдублов и тогда попрошу у него столько дублонов, сколько хватило бы на всю нашу семью, чтоб до конца жизни никто ни в чём себе не отказывал...

–Что ты там говоришь, сынок? – с улыбкой спросила мама у Генри

–Ничего... – оторопел он – Пойдём..., посмотрим у пруда на лебедей – Сказал маленький Генри и они пошли любоваться грациозными и белыми, словно снег, птицами.

С тех пор прошло около двадцати лет, и за это время дуб окреп, а кроны его тянулись высоко к небу. Создавалось впечатление, что дуб словно понимал, какую роль он занимает в этом парке и, осознавая это, он чинно и гордо занимал своё почётное место. Генри, всё продолжая стоять у таблички, любовался дубом, погрузившись в грёзы воспоминаний своего детства.

– Прости меня маленький «я» из прошлого... – внезапно для себя, с долей иронии и грустью произнёс Генри – Я так и не поймал Дубдубла...

Уже отойдя от дуба на приличное расстояние, Генри вдруг осознал, что помимо ностальгии, этот дуб вызвал ещё некие странные чувства, что-то наподобие дежавю, словно недавно он так же стоял перед деревом, только уже при иных обстоятельствах...

Когда дуб оказался вне зоны видимости для Генри, то вместе с дубом остались и все его чувства, как приятные ностальгические грёзы, так и необъяснимая тревога.

Тротуар в парке был расположен так, что практически через каждые двести – триста метров он приводил идущего по ним человека к перепутью. И вновь вынужденный выбирать направление Генри задумался.

– «Специально ли так спроектировали дороги в парке, тем

самым метафорично показывая жизненный путь «идущего» по ним? Мол, смотри, в течение жизни ты волен делать множество выборов, но будь осторожен и выбирай мудро, ведь твой выбор повлияет на будущий результат... Либо же это я зашёл слишком далеко и мне уже везде мерещится скрытый подтекст и философский смысл...» – Подумав немного, Генри продолжил свою аллегория – « Стоит лишь представить себе, что тротуар в парке не просто тротуар, а словно наш жизненный путь, по которому мы идём – как мы сразу увидим, что вариаций этого пути множество. Идя по своему жизненному пути, мы обязательно наткнёмся на перепутье, где от нашего выбора направления, будет зависеть дальнейшее развитие событий. В конце концов, за всю нашу жизнь, встречается множество таких перепутьий, множество вариаций выбора дальнейшего развития сюжета и в итоге человек получает то, к чему стремился. Если человек относился к выбору легкомысленно и беспечно, не учась на ошибках и всячески игнорируя советы, то такой человек может получить весьма печальный итоговый расклад. При этом даже в конце жизни искренне не будет понимать, чем он достоин такой участи и будет всячески винить окружающих, а может быть возьмёт куда глобальнее и будет винить богов в предоставлении такой «судьбы» и в итоге так и не поймёт, что во всём этом виноват – он сам...».

Тут Генри внезапно остановился потупя взор куда-то прямо, но при этом взгляд его был по-прежнему туманным и

рассеянным, он был полностью погружён в мысли. Вдруг он внезапно осознал неполноту своих размышлений... «Но всегда ли мы действительно вольны делать выбор?...» – продолжил размышлять он – «Что я делал в тот момент, когда моя жена сомкнула в последний раз свои веки? Делал выбор?! Да меня словно отстранили от столь важного выбора и решили всё за меня! Я мог её спасти... Если бы я имел право сделать выбор, этого могло бы не произойти и моя жизнь претерпела бы другой расклад... Она была бы жива...» – после заключительных мыслей у Генри выступили слёзы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.